

ИЗБОРНИК

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗБОРНИК

**ПОВЕСТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Москва
«Художественная литература»
1986

ББК 84Р1
ИЗ2

Классики и современники

Русская классическая литература

Вступительная статья

Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление и комментарии

Л. А. ДМИТРИЕВА и Н. В. ПОНЫРКО

На обложке использованы фрагменты миниатюр
из древнерусских летописей

И $\frac{4702010100-373}{028(01)-86}$ 10-86

© Составление, вступительная
статья, комментарии, оформле-
ние. Издательство «Художествен-
ная литература», 1986 г.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,

Игоря Святославича?

Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замыслению Бояна.

Боян же вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Помнил он, как говорил,
первых времен усобицы.

Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:

какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,

что зарезал Редю пред полками касожскими,
красному Роману Святославичу.

Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещи персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
синий Дон».

Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Тройна
через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:

«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок летят
к Дону великому».

Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:

«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
Трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:

«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
встрепенулся Див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле неизвестной,

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полночи,
словно лебеди преследуемые.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубравам;
волки грозу подымают
по оврагам;

орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, разлетевшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена чёлка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.

Далеко залетело!

Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половчине!

Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают,
черные тучи с моря идут,

хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.

Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными
щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гредишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл
честь, и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой желанной прекрасной Глебовны
свичаи и обычай?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.

Вступает в золотое стремя в граде Тмуторокане.
а звон тот уже слышал давний великий
Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд
привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало
постлала
храброму и молодому князю,
за обиду Олега.

С той же Каялы Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии, к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
заседалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни
людские.

Тогда по Русской земле редко пахари
покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыта булатные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.

Черна́ земля под копытами костьми была
засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
вдали рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему мила брата Всеволода.

Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на бреге быстрой
Каялы;

тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.

Никнет трава от жалости,
а дерево с тоскою к земле приклонилось.

Уж ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьдбожьего внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеща, прогнала времена изобилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:

«Это мое, и то мое же».

И стали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц побивая, —
к морю!

Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Кáрна,
и Жéля поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:

«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а злата и серебра совсем не поглядить».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли
Русской.

А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую
землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий —
киевский —
грозою:

прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовай.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки
половецкой, —
просыпав русского злата.

Тут Игорь-князь пересел из седла злата
в седло рабское.

Приуныли у городов забрали,
а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.

«Этой ночью с вечера одевают меня, —
говорит, —

черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпают мне синее вино,
с горем смешанное;

сыплют мне из пустых колчанов поганых
иноземцев

крупный жемчуг на грудь
и нежат меня.

Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.

Всю ночь с вечера
серые вороны каркают у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
понесли меня вороны к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола злата

добыть града Тмутороканя,
а либо испить шлемом Дона.

Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —

тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.

Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился Див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звения русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, лишились веселья!
Тогда великий Святослав
изронил злато слово,
со слезами смешано,
и сказал:

«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.

Но не с честью вы одолели,
не с честью кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.

Что же сотворили вы моей серебряной седине?

Уже не вижу власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами

брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельб́ирами,
и с топча́ками,
и с реву́гами,
и с ольбе́рами.

Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликem полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!»

А разве дивно, братья, старому помолодеть?

Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.

Но вот зло: князья мне не помогают;
худо времена обернулись.

Вот у Римова кричат под саблями
половецкими,
а Владимир под ранами.

Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!

Неужели и мысленно тебе не прилететь
издалека

отчий златой стол поблюсти?

Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!

Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резани.

Ты ведь можешь посуху
живые копыя метать —
удалых сыновей Глебовых.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
злаченными шлемами по крови
плавали?

Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
раненные саблями калеными
на поле незнаемом?

Вступите же, господа, в златые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды творя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву врата,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.

Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол, на ветрах паря,
стремясь птицу храбро одолеть.

Есть ведь у вас железные по́двязи
 под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
 и многие страны —
 Хи́нова,
 Литва,
 Ятвѣги,
 Деремѣла —
и половцы ко́пья свои повергли,
 а головы свои подклонили
 под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорьь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
 по Рóси и по Сулѣ города расхватали.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на
 брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
 расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы,
 и ко́пья польские,
 и щиты?
Загородите полю ворота
 своими острыми стрелами
 за землю Русскую,
 за раны Игоревы,
 буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
 для града Переяславля,
и Двина болотом течет
 для тех грозных полочан
 под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
 о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,

а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и изрёк:

«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».

Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.

Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.

Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.
Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице, ему милой.
Он хитростями оперся на коней,
и скакнул к граду Киеву,
и коснулся древком
злата престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
с трех попыток отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,

на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещей Боян
давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкой безвестною рано кукует:
«Полечу, — говорит, — кукушкой по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?»

Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльницах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале,
приговаривая:

«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?» :

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему златому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,

стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие всколыхнулись.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.

Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.

Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».

Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
что лелеял князя на волнах,
постилая ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевая его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядами на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.

Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими злаченными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
то опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына:
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой Богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

ДРЕВНЕРУССКИЕ АФОРИЗМЫ

ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Не место может украсить добродетель, но добродетель место.

Копаящий яму под ближним своим — упадет в нее.

Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство — без правды.

Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага.

Лучше овощная пища, предложенная с любовью и расположением, чем теленок — с враждой.

Не покидай старого друга, ведь новый не будет похож на него.

Друг верный не изменится — и нет меры доброте его.

Не так огонь жжет тело, как душу разлука с другом.

Умень коня узнается на войне, а верный друг — в беде.

Золото огнем испытывается, а друг — жизненными напастьми.

Истинного друга в напастьях не бойся.

Друга ищи не того, кто любезен с тобой, кто с тобой соглашается, а крепкого советника, кто полезного для тебя ищет и противится твоим необдуманном словам.

Муж обличающий лучше лстящего.